

1. ВВЕДЕНИЕ

Император Фридрих III: «Империя и честь Германии так дороги мне, что я не пожалею никаких сил или средств. Но... мы должны объединить силы нашей нации; мы должны составить из всех нас единое тело»³.

Эней Сильвий Пикколомини
(«*Pentalogus*» / «Пенталог», 1443)

Англичане смотрят на французов как на врагов лишь за то, что они французы. Англичане ненавидят шотландцев лишь за то, что они шотландцы. Немцы враждуют с французами, испанцы — и с теми и с другими. Какая противоестественность во всем этом! Простое название местности разъединяет людей⁴.

Эразм Роттердамский Дезидерий
(«*Complaint of Peace*» / «Жалоба мира», 1517)

Данная книга предлагает новое понимание исторических истоков национализма в сочетании с объяснением предпосылок формирования европейских наций. Она бросает вызов царящему в настоящее время среди историков и социологов мнению о том, что национализм следует рассматривать как исключительно современное явление, возникшее в результате индустриализации и массовой коммуникации в XIX в. Признавая воздействие этого так называемого модернистского взгляда, я утверждаю, что его основные постулаты теоретически и исторически несостоятельны. Книга также бросает вызов предыдущим критикам «модернистских» теорий, которые выступали за включение досовременных периодов в изучение национализма. Признавая

³ Цитаты из произведений, не переведенных на русский, даны в переводе с оригинала. — *Примеч. ред.*

⁴ Цит. по: Роттердамский Э. Жалоба мира / пер. Ф. Л. Мендельсона. — М.: Советская Россия. — *Примеч. ред.*

обоснованность многих из их возражений, я утверждаю, что до сих пор они не представили убедительной контртеории, которая могла бы успешно оспорить модернистский нарратив. Эта книга претендует на то, чтобы представить наиболее точную картину формирования наций, развивая именно такую контртеорию, а также — предложить историческое объяснение того, почему нации и национализм, несмотря на все пророчества об их исчезновении, счастливо существуют в наш, казалось бы, постнациональный период.

Предлагаемая новая модель начинается с переосмысления основных вопросов, на которые должна отвечать теория национализма. Сегодня, казалось бы, самоочевидная задача теории национализма состоит в том, чтобы попытаться выявить генетические факторы и механизмы, которые могут спровоцировать появление национализма в той или иной ситуации. В случае успеха подобная теория может дать окончательный ответ на такие вопросы, как: почему Эстония стала нацией, а Каталония — нет? Или же: могли ли существовать нации до индустриализации? Я считаю, что подобный детерминистский подход обещает много, но дает мало, потому что обозначать только одну основную проблему — неисторично. Нет никаких оснований для предположения, что единый закон причины и следствия породил национализм в таких далеких и разных местах, как Англия и Восточный Тимор.

Теоретическая аргументация в этой книге построена на ряде различных вопросов: что можно определить как отличительные черты национализма? Где и когда мы можем наблюдать первое появление этих отличительных черт? Как мы можем понять их появление с исторической точки зрения? И как мы можем описать их роль в строительстве наций? Эти вопросы основаны на принципиально ином и, как мне кажется, более правдоподобном историческом предположении, которое заключается в том, что возникновение наций в любой точке мира было возможно (но не необходимо) только благодаря их первоначальному развитию в одном конкретном месте и времени. Согласно моей теории, это место и время: католическая Европа в Средние века. Сосредото-

чившись на истории Европы, я также предлагаю пересмотреть роль европейской политической культуры в глобальной истории национализма. Мой основной аргумент заключается в том, что, хотя национализм смог развить специфические черты и за пределами Европы, он не был мыслим вне орбиты европейской культуры.

Мои теоретические изыскания идут вплоть до римской Античности, рассматривая саму римскую политическую культуру как националистическую. Она связывает происхождение национализма с наследием Римской империи в Средние века, описывая средневековую политическую культуру как вторичный римский империализм в условиях раздробленной территориальной структуры. Это связывает возникновение национализма с особым напряжением, порожденным этим противоречием. Национализм, если говорить кратко, рассматривается как политический дискурс, созданный терпящими неудачу за неудачей, но страстно желающими *быть империями* государствами, увязшими в борьбе, лишь бы удерживать друг друга на расстоянии. Он рассматривается и как высшая точка соперничества, превращающая монархическое стремление к полному господству во всеобъемлющее состязание абстрактных сообществ. И он же рассматривается как нечто универсалистское, заставляющее каждое политическое образование, претендующее на независимость, определять себя как нацию. Двумя ключевыми элементами являются национальная честь — драгоценный, но неустойчивый капитал, которым обладают все члены сообщества, и национальная свобода, выраженная в коллективном отказе от иностранного правления и культурного влияния.

В то время как национализм рассматривается в качестве силы, порождающей нацию, ученые предстают главными производителями национализма. В эпоху Средневековья ученые были охранителями не только христианства, но и классической Античности. Начиная с XII в. юридически и филологически подкованные клирики пытались адаптировать наследие Рима к современной политике; в ходе этого процесса был создан язык

нации. Хотя научные исследования, связанные с конструированием нации как интеллектуальной концепции, должны были иметь прямое политическое значение, они не сразу изменили политическую реальность. На самом деле, между созданием националистического языка и реализацией националистической политики существовал заметный временной зазор. К концу XV в. концепция нации была почти полностью разработана в научной литературе, в то время как в политической практике империалистические, династические и религиозные принципы будут преобладать еще три столетия. Для правителей Средних веков и раннего Нового времени национализм часто был привлекателен как пропагандистский инструмент, но редко как самоцель.

Поэтому одна из важных задач этой книги — объяснить длительное параллельное существование националистической науки и ненационалистического правительства. Для этого в ней анализируются научные роли, разработанные политическими авторами для того, чтобы претендовать на общественный авторитет и влиять на власть имущих. Поскольку эти роли систематически не приносили желаемых результатов, эта книга также даст представление о хроническом самообмане западных ученых. Для понимания истоков национализма не обойтись без критического анализа той самой научной среды, которая сегодня позволяет нам заниматься серьезными историческими исследованиями.

В начале книги дается общее представление о ее предмете, методе и аргументации. Последующие две главы посвящены теории: если во главе 2 дается критический обзор ведущих современных теорий национализма, то в главе 3 излагается принципиально новая контрмодель. Начиная с главы 4, эта контрмодель раскрывается в историческом анализе, охватывающем период от поздней Римской республики до эпохи Возрождения и Реформации. Заключительная глава проясняет историческую связь между европейскими истоками национализма в Средние века и его политическим триумфом в современности.

1.1. Организм превращается в артефакт

Понятие государственности всегда было доминирующей темой в современной историографии. Однако то, как оно воспринималось и представлялось историками, с течением времени претерпевало значительные изменения. В XIX в., когда прошлое в связи с ускоренными изменениями жизни казалось все больше раздробленным и оторванным от настоящего, нации по-прежнему считались ведущими действующими лицами на протяжении всей европейской истории. Они были описаны как коллективные организации с особыми биографиями, качествами и характеристиками, взаимодействующие друг с другом на якобы главной исторической арене — международной политике. Хотя современная историография представила изменения как фундаментальную силу истории, она изображала нацию как стабильное образование, и хотя изменения предполагались нелинейными, нация должна была вырасти из семени древних времен до полного расцвета в современности. Это был вопрос необходимости, стоящий выше закона исторической относительности всего сущего.

Этот образ нации в значительной степени сформировался под влиянием романтических идеалов естественного общества, противопоставляемых «механической» структуре общества современного. Несмотря на уход романтизма, эта идея осталась. Одной из причин ее сохранения было то, что она функционировала как средство обеспечения преемственности в рамках историографического повествования, которое в противном случае рисковало бы оказаться разрозненным. Другая причина заключалась в том, что она делила огромное поле истории на управляемые куски, которые не нуждались в дополнительных объяснениях, поскольку просто представлялись частью естественного порядка. И третья причина кроется в роли, которую нация отводила современным историкам: будучи ее главными биографами, они могли монополизировать положение светских священников — учить граждан и консультировать правителей относительно их глубинных принадлежности и обязанностей.

Никогда историки не пользовались бóльшим общественным влиянием и бóльшим политическим весом, чем в этот период и в этой конкретной роли.

Неудивительно, что функция нации как диалектического противовеса основным принципам историографии оказалась столь долговечной. Ее поддерживали даже тогда, когда она ставила под угрозу историографические претензии на объективность. В начале XX в. ведущие европейские историки, такие как немецкий лауреат Нобелевской премии Теодор Моммзен (1817–1903) и его более молодой, но не менее выдающийся коллега Отто Хинтце (1861–1940), по-прежнему не видели смысла в общении с иностранными коллегами, поскольку «национальные антагонизмы» не позволяют найти общую почву для взаимопонимания, и поэтому они отвергали «идею межнационального конгресса исторических наук как нелепую»⁵.

И наука, и политика должны были претерпеть значительные изменения, прежде чем историки стали относиться к нации не столько как к организму, который нужно питать, сколько как к артефакту, который следует деконструировать. Нельзя сказать, что в XIX и начале XX в. полностью отсутствовали критические исследования, посвященные формированию наций. В самом деле, было написано несколько прекрасных работ, таких как лекция Эрнеста Ренана (1823–1892) *Qu'est-ce qu'une nation?* («Что такое нация?») 1882 г. и *Essays on Nationalism* («Очерки о национализме») Карлтона Хейса (1882–1964) 1926 г. Однако эти работы были исключительными и привлекли к себе внимание лишь спустя долгое время после их публикации.

С политической точки зрения пересмотр места нации в истории вряд когда-либо был более настоящим, чем после мировых войн. Однако интересно, что в послевоенные десятилетия в историографическом описании нации происходил лишь медленный и постепенный сдвиг. Нации по-прежнему изображались как центральная политическая и культурная сила с раннего Средне-

⁵ Erdmann, *Die Ökumene der Historiker*, 66.

вековья до наших дней; единственное существенное изменение заключалось в том, что теперь они воспринимались равно и как весьма конструктивные, и как ужасно деструктивные. Поэтому были предприняты попытки провести различие между двумя противоположными типами национальных чувств, основываясь на старых представлениях о типах наций. Некоторые историки отделяли оборонительный и умеренный патриотизм от агрессивного и крайнего национализма, воспринимая первый как необходимый элемент современной демократии, а второй — как патологическое восхваление националистского государства. Другие придерживались более широкого разграничения, проведенного американским историком еврейского происхождения Гансом Коном (1891–1971) между «западным» и «восточным» национализмом: «западный» означает территориальный, либертарианский, рациональный и интегративный, а «восточный» — этнический, авторитарный, иррациональный и привилегированный...⁶ Найдя такое аккуратное и — по крайней мере, для англо-американских и французских ученых — высокомерное решение, можно было продолжать писать национальные истории почти как прежде. Более того, дуалистическая точка зрения на национальные чувства с одинаковым успехом использовалась и в новой ситуации холодной войны. Ведущие историки многих западных стран смогли сохранить свою роль национальных священников, как и сопутствовавшие им общественное влияние и высокая легитимность.

Только когда в 1970–1980-е гг. холодная война перешла в длительную оттепель, господствующий взгляд на нации и национализм наконец-то стал меняться. Новым подходам способствовали значительные методологические сдвиги в историографии, которые на тот момент уже происходили. Старомодной политической истории, как и метафорическому языку, касающемуся «органической природы» нации, бросили вызов теоретически более сложные социальные и культурные истории.

⁶ Kohn, *The Idea of Nationalism*.

Тем не менее потребовалась инициатива ученых, не имеющих отношения к истории, таких как политологи и социальные антропологи, чтобы представить свежую и стимулирующую перспективу. Некоторые из них уже задолго до этого сформулировали свои теории национализма — Карл Дойч (1912–1992) в 1950-х, Эрнест Геллнер (1925–1995) в 1960-х и 1970-х, — но их исследования стали широко читаться только с 1980-х гг. Что объединяло этих людей (как и большинство историков, впервые присоединившихся к ним) — так это скептическое, если не сказать негативное, отношение к нациям и национализму, часто рожденное из личного опыта. Карл Дойч, Эрнест Геллнер и Эрик Хобсбаум (1917–2012) были евреями по происхождению, выросли в Праге между войнами и бежали от нацистов в Британию или Америку; Бенедикт Андерсон (1936–2015) был сыном ирландца и англичанки, родился в Китае, вырос в Калифорнии и получил образование в Англии в Кембридже. Их жизненные обстоятельства не только помогли им поставить под сомнение общепринятое представление о естественности наций, но и дистанцироваться от научной роли национального священника.

Хотя модернистские теории с самого начала существенно отличались друг от друга, им удалось выстроить новый основной нарратив, который с тех пор доминирует в области изучения национализма. В его основе лежат два основных аргумента: «модернистский» оборот, согласно которому нации — исключительно современный феномен, возникший лишь в конце XVIII или даже в XIX в., и «конструктивистский» оборот, согласно которому нации формируются не на основе «объективных» критериев, таких как общая территория, язык, привычки, происхождение, судьба и других, а на основе общей веры в подобные критерии; они были, по знаменитой формулировке Андерсона, «воображаемыми сообществами» и, как выразился Геллнер, продуктами национализма, «а не наоборот»⁷.

⁷ Gellner, *Nations and Nationalism*, 55.

Огромный успех этих теорий, безусловно, был связан с их оригинальностью, интеллектуальной огранкой и, по крайней мере в некоторых случаях, с элегантным стилем, в котором они были представлены; однако всего этого было бы недостаточно, если бы они не служили также и идеологическим целям: для многих интеллектуалов, прежде всего левых политических сил, модернистский подход стал подтверждением искусственного характера нации и указанием на ее неуловимое явление в истории, на то, что она была недавно изобретена и вскоре отброшена. Не проявляя ложной скромности, Хобсбаум даже рассматривал достижения модернизма как признак раннего упадка национализма. Сова Минервы, заметил он, ссылаясь на Гегеля, вылетает только в сумерках⁸.

Историки никогда не проявляли особого таланта пророка, поэтому неудивительно, что предсказания о скором упадке и конечном исчезновении нации и национализма скоро оказались опровергнуты. Напротив, статистическое исследование 2006 г., посвященное национальной гордости в тридцати трех странах, большинство из которых являлось западными государствами, пришло к выводу, что в период с 1995 по 2004 г. национальная гордость в большинстве из них возросла⁹.

Само исследование может иметь ограниченное значение, но его результаты кажутся правдоподобными. В 1990-е гг. европейский континент столкнулся с многократными национальными столкновениями в югославских войнах, которые заставили западных европейцев недоверчиво протирать глаза, в ужасе разводив руками и звать американцев, решив, что те им помогут. В свою очередь, террористические атаки на Нью-Йорк и Вашингтон в сентябре 2001 г. привели к удивительному росту американского национализма. А поскольку культуре Соединенных Штатов до сих пор подражают как друзья, так и враги, их возрожденный национализм быстро распространился и на другие страны.

⁸ Hobsbawm, *Nations and Nationalism*, 183.

⁹ Smith and Kim, *National Pride*, 3.